

УДК 930.1

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

О.Н. КВАСОВ*Воронежская государственная
лесотехническая академия**e-mail: kvasovoleg@yandex.ru*

Рассмотрена деятельность революционно-террористических формирований губернии. Выявлены наиболее характерные черты террористической тактики революционеров, попытки с помощью террора возобновить аграрное движение. Представлен ряд статистических данных. Сделан вывод о безуспешных усилиях партии социалистов-революционеров (ПСР) в 1907 г. при помощи эскалации террористического насилия поднять аграрное движение.

Ключевые слова: революционный терроризм, аграрное движение, Курская губерния, экспроприация, террористический акт, Первая российская революция (1905-1907 гг.).

Вопросы революционного экстремизма и терроризма, несмотря на вековой интерес историографии, продолжают оставаться актуальными. В современных условиях этот интерес в большей мере подогревается ростом современного терроризма и научной проблематикой конфликтологии и террорологии. В тоже время, изучение экстремистских леворадикальных идей, признание их значимости, влияния на развал Российской империи и, соответственно, на развитие освободительного движения¹, так же требуют и от краеведческой науки более пристального взгляда на вопросы местного и регионального экстремизма. Советская историография индивидуальный терроризм рассматривала в сугубо формационном контексте, относя его, в соответствии с идеологической трактовкой, к проявлениям мелкобуржуазного сознания. Исходя из этого, естественной была периферийность, не актуальность этой проблемы по сравнению собственно с пролетарскими формами борьбы (восстанием, забастовками и пр.), что значительно искажало объективное изучение российского освободительного движения и собственно видение политических процессов в России рубежа XIX-XX веков. Данная работа призвана выяснить наличие террористического компонента в социально-политической борьбе в Курской губернии начала XX века, проанализировать роль и влияние терроризма на ход революционных событий в губернии в годы Первой российской революции (1905-1907 гг.). Эта проблема рассматривалась и ранее, но в более широком контексте проблем либо связанных с деятельностью партии эсеров², либо регионального масштаба³.

Курская губерния являлась одной из обширных центрально-черноземных областей России. На рубеже веков её общая площадь почти достигала 41 тыс. кв. км, население составляло около 2,5 млн. жителей, из которых городским являлось менее 10%. В крестьянской собственности находилось 62% угодий, в частном владении – 35%, причем особо выделялось крупнопоместное землевладение. Как неоднократно отмечалось современниками, крестьяне испытывали хронический земельный голод,

¹ Geifman A. Thou shalt kill: Revolutionaru tettorism in Russia. 1894-1917. Princeton, 1993; Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2000.

² Салтык Г.А. Создание и деятельность ПСР в губерниях Чернозёмного центра России (конец XIX века – октябрь 1917 г.). Курск, 1999; Она же. Неонародничество России: региональный аспект (1917-1918 гг.). Курск, 2001; Она же. Неонародническое движение Чернозёмного центра России: 1901-1923 гг. М., 2002.

³ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901-1911 гг.). Воронеж, 2005.

усугубляемый экстенсивным типом хозяйствования. Ежегодно около 100 тыс. крестьян уходило на заработки в южные губернии страны. Переселенческое движение, стимулируемое государством только начало формироваться. Сложившуюся ситуацию подавляющее большинство крестьянства воспринимало однозначно как «беспросветную» или в современной научной терминологии как «экзистенциальный кризис». Однако, значительных протестных действий со стороны курского крестьянства, тем более других социальных слоев населения, не отмечается.

В прямой связи с «осознаваемым долгом интеллигенции перед народом» и в «интересах антирелигиозной пропаганды действием»⁴, 8 марта 1898 г. несовершеннолетний техник-изобретатель А.Е. Уфимцев предпринял попытку взорвать с помощью динамита святыню Коренной пустыни монастырскую икону Божьей матери. Произведенный взрыв, потряс Курск, еще более привлек паломников к непострадавшей «чудотворной» святыне, а Уфимцев был осужден на 5 лет ссылки в Акмолинскую губернию⁵. Следствие не выявило партийных связей преступника, а в воспоминаниях сокамерника он характеризуется как «оригинальный тип внепартийного революционера-одиночки»⁶.

Часть уездов Курской губернии приняла участие в аграрных волнениях 1902 г., поэтому здесь партийная пропаганда активно началась еще до 1905 г. Исключительную роль в этой пропаганде играла партия социалистов-революционеров (ПСР), особенно ее левое крыло, «аграрные террористы». Позже в октябре 1906 г. оформленная в Союз социалистов-революционеров-максималистов, эта ультра-народническая фракция сумела создать в губернии крепкие ячейки Крестьянского союза. Декларируя поддержку всевозможных видов социальной борьбы крестьянства, максималисты стремились оптимально политизировать нарождающееся аграрное движение. В середине 1905 г. крестьянские союзы существовали в пяти из пятнадцати уездах губернии. Частые разногласия по поводу методов борьбы между представителями этой группы и ЦК ПСР создали ситуацию когда, по сути, в Курской губернии под одним партийным именем действовали две разные партии. Совместное совещание, призванное сгладить разногласия и наметить общие действия Курского комитета ПСР и Крестьянского союза, 3 апреля 1905 г. было арестовано полицией⁷. В ходе оказанного сопротивления некоторым революционерам удалось скрыться. Ранение получили пристав и стражник, 29 человек было арестовано, что на некоторое время дезорганизовало партийную работу в губернии⁸.

Аграрное движение 1905 года, как в Курской губернии, так и во всем российском Центральном Черноземье, носит ряд особенностей, к которым относят предпочтение коллективных форм борьбы перед индивидуальными, бескровный первоначальный характер движения и преимущественную ограниченность волнений пределами поместья или населенного пункта. Индивидуальные формы борьбы, применяемые в это время, а это в основном порубки и потравы, своими характеристиками больше напоминают мелкие хищения или саботажные действия. Для использования в экстремистских целях этим формам не хватает агрессивной продуктивности. Наряду с этим, в аграрных поджогах 1905 г. многими очевидцами выделялся разгромный, массовый характер. Очевидно, что при определенных обстоятельствах крестьяне предпочитали не демонстративный разгром помещичьего имения или имущества, а достаточно безопасное лично для себя, уничтожение его с помощью пожара. Симптоматично, что на почву аграрных отношений приходится и первый акт индивидуальных покушений в Курской губернии – 6 августа 1905 г. близ д. Клиновой, Курского уезда был убит крестьянин Я. Савельев. Причиной покушения было, как выяснил

⁴ Струмилин С.Г. Из пережитого. 1897-1917 гг. М., 1957. С. 170.

⁵ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9770. Л. 7.

⁶ Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 170.

⁷ Революционная Россия. 1905. № 62. С. 13,14.

⁸ Там же. № 66. С. 10.

курский уездный исправник то, что «...он являлся всегда единственным свидетелем по всем делам землевладельца Николая Петровича Звегинцева, живущего во вражде с крестьянами деревни Клиновой и ведущего судебные дела с крестьянами названной деревни...»⁹. Преступление было раскрыто, убийцами оказались двое крестьян, наличие «партийной подкладки» обнаружено не было.

Необходимо отметить общую стрессовую обстановку курского населения, как и всей России, в 1905 году. Проявляться это будет в эксцессах массового противостояния и всплесках насилия, часто неадекватного и неконтролируемого. К таким всплескам, можно отнести случай самосуда на станции Курск. В эшелоне с солдатами, отправляемыми на Дальний Восток, 17 июля 1905 г. «поручик Мохолапов в пылу гнева зарубил шашкой канонира Бонсикова». Собравшаяся толпа в 4-5 тыс. человек, «возмущенная этим поступком, подожгла вагон, в котором находился Мохолапов, и последний погиб»¹⁰. очевидцы отмечают, что толпа перед самосудом позволила жене и ребенку прапорщика покинуть вагон¹¹. Самосудом толпы закончилась для двух преступников 29 июня 1907 г. попытка ограбить лавку Михалева¹², а 9 апреля 1907 г. преследуемый после теракта максималист-боевик П. Кочнев застрелился лишь бы не попасть живым в руки народа¹³.

В 1905 г. во всех центрально-черноземных губерниях образовались губернские комитеты левых партий. Из них наиболее дееспособными и количественно мощными были организации эсеров. Индивидуальный террор 1905-1906 гг. в регионе был представлен несколькими покушениями на местных администраторов и полицейских чинов. Некоторые из этих терактов (убийства в Тамбовской губернии 15 декабря 1905 г. вице-губернатора Н.Е. Богдановича и 16 января 1906 г. губернского советника Г.Н. Луженовского) получили всероссийскую известность. Политический террор этих лет в Курской губернии не отличался интенсивностью и масштабами, но несколько террористических покушений все же были осуществлены. Так, 26 апреля 1906 г. в г. Курске выстрелами из револьвера был ранен помощник начальника жандармского управления ротмистр Г.Н. Лавренко¹⁴, а 25 октября 1906 г. в квартире пристава слободы Борисовки Грайворонского уезда, по всей видимости ошибочно, был ранен письмоводитель¹⁵. Также центральными органами эсеров планировалось совершить в губернии неосуществленное покушение на генерала Ф.В. Дубасов, руководителя разгрома московского восстания и карательных экспедиций в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях.

Большая активность проявлялась комитетами в подготовке и вооружение боевых сил. Значительную роль в этом играла курская лаборатория эсеров. Ее руководитель Е.Б. Чиж не только сам производил взрывчатые вещества, но и смело модифицировал боевые снаряды. Им был разработан даже снаряд, наполненный отравляющим газом! Производимые боеприпасы поставлялись в Москву, где они обменивались на другое оружие. В воспоминаниях курских максималистов говорится о почти 100 отправленных бомбах¹⁶.

В 1906 г., в Курской губернии, как и по всей России, стали осуществляться экспроприации. Если экспроприации анархистов отличались мелочностью притязаний, жестокостью исполнения и неразборчивостью в выборе объекта грабежа, то другой уровень демонстрировали эсеровские акции. Первоначально, их целью были лишь значительные казенные суммы, а сами экспроприации долго и тщательно продумывались. Партийные требования позволяли осуществлять «изъятия» только крупным

⁹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7544. Л. 169,169об.

¹⁰ Солдатская газета. Издание ЦК ПСР. 1906. № 1.

¹¹ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ-ВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 190. Л. 53об.

¹² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10051. Л. 261.

¹³ Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 315. Оп. 2. Д. 274. Л. 112.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 46 (1908). Д. 1286.

¹⁵ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10133. Л. 19.

¹⁶ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 190. Л. 16-18.

боевым объединениям. К террористическим акциям такого плана относится ограбление почтового разезда 26 октября 1906 г. в Грайворонском уезде. Задуманная Украинским областным комитетом ПСР, эта экспроприация была поручена областному боевому отряду. Член этого отряда Н. Комаров вспоминал: «Группа выехала в Курск, где намечалась экспроприация значительных сумм при перевозке их из казначейства в государственный банк; но связи с казначейством как-то неожиданно оборвались, и эту попытку пришлось оставить. Группа занялась организацией другого дела – там же, но вскоре вызвана была в Харьков. Однако курское ответвление группы второго плана не оставила, и в скором времени ему удалось захватить перевозившиеся казенные суммы в размере около 30.000 рублей. К сожалению, плохо осведомленные товарищи не знали, что почти вся сумма состояла из вышедших из обращения старых кредиток, пробитых особым погашателем. Использовать удалось самое незначительное количество из захваченных денег»¹⁷. Экспроприация была осуществлена при помощи блокирования дороги проволочным заграждением. Выстрелами были ранены почтальон, городской и ящик. Взяв 26400 рублей, боевики скрылись, предварительно застрелив городского¹⁸.

Еще менее удачно закончилось ограбление денежного транспорта, перевозившего из казначейства в отделение банка 7700 рублей, для курских максималистов. 10 марта 1907 г. трое боевиков напали на кассира, везшего на извозчике в сопровождении охранника деньги. «После короткой перестрелки кассир был тяжело ранен, охранник сбежал, а боевики, разделив денежную массу, скрылись. Однако на окраине г. Курска, двое из них были задержаны»¹⁹. Курский комитет эсеров, при критическом отношении горожан к грабежу, выпустил специальное извещение: «В виду циркулирующих по городу слухов о том, что экспроприация на Милентьевской улице совершена ПСР. Курский комитет ПСР заявляет: что означенная экспроприация никакого отношения к ПСР не имеет и лица ее совершившие членами ПСР не состоят»²⁰.

В ходе последующего жандармского расследования были арестованы еще несколько максималистов. На начавшемся процессе, прокурор потребовал смертной казни для всех подсудимых. Курский комитет эсеров-максималистов решил провести в отношении прокурора теракт. Однако, 9 апреля на Московской улице г. Курска максималисты по ошибке расстреляли его соседа по дому, инженера П.П. Скородумова. Во время бегства боевиков с места преступления был застрелен городской, а преследуемый народом один из террористов застрелился²¹. «...Все эти события, самоубийство одного и виселица, грозящая другим, взятые вместе до некоторой степени парализовали временно деятельность имеющихся работников и они начали нервничать. Было решено несколько изменить состав организации в том смысле, чтобы подозрительные работники оставили Курск. Это сделать было необходимо»²². Перенесенный в Киев военно-окружной суд в январе 1908 г. вынес суровый приговор: троих подсудимых приговорил к смертной казни, двух – к бессрочной каторге, шестерых – к срочной каторге, остальным – определил менее жестокие меры наказания²³. Последующие события показали, что это был по существу развал курских максималистов.

Позже аргументируя необходимость продления положения усиленной охраны для губернии, курский губернатор указывал кроме прочего также и на 21 ограбление за 1907 г., с общей суммой похищенного почти на 3,5 тыс. рублей²⁴.

¹⁷ Комаров Н. Очерки истории местных и областных боевых организаций партии социалистов-революционеров // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 66,67.

¹⁸ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7760. Л. 19,35.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф.102. Оп. 237. 1907. Д. 80. Ч. 26. Л. 4.

²⁰ ГАКО. Ф. 642. Оп. 2. Д. 168. Л. 54.

²¹ Центральный государственный исторический архив Украины (далее ЦГИАУ). Ф. 315. Оп. 2. Д. 274. Л. 112.

²² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 190. Д. 16. Л. 16,160б.

²³ ЦГИАУ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 484. Л. 342,343.

²⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10262. Переписка с МВД о продлении срока Положения об усиленной охране в Курской губернии на один год. Сведения о происшествиях в Курской губ. за 1907 г. 4.10.1908-18.06.1909 г. 19 л.

На фоне общего снижения в конце 1906 г. массовых выступлений, значительно выросла террористическая активность. Анархистские и эсеровские организации, за редким исключением, сплошь начали использовать террор. На наш взгляд, террористический пик 1907 г. объясняется двумя причинами: массовым отказом общества от продолжения конфронтации с властью и неослабной карательной политикой царского правительства. Первая причина проявилась в тщетных надеждах революционеров региона на активизирующее (эксцитативное) действие террора в сельской местности летом-осенью 1907 г. Вторая, нашла свое отражение в разочаровании революционеров в пропагандистской работе и охватившем их с середины 1907 года «боевизме».

Значительно усилился и видоизменился в 1907 г. аграрный террор. Стихийные покушения 1906 г. сменились организованными действиями боевых дружин крестьянских братств и уездных комитетов эсеров против сторонников и представителей власти. Только за 1907 г. покушений на аграрной почве в Центральном Черноземье произошло 20, а в отношении сотрудников силовых структур крестьянские братства провели 13 терактов²⁵. При этом, если в Курской губернии в 1905 г. произошло 117 крестьянских разгромов, а в 1906 г. только 11, то в 1907 г. зарегистрировано разгромов не было совсем²⁶. Террористическую инициативу в Курской губернии держало крестьянское братство Щигровского уезда.

Созданный в 1905 г. Щигровский Крестьянский союз на протяжении первых двух лет не прибегал к террористическим методам. Охватив пропагандой весь уезд, Щигровский комитет во многих сферах общественной жизни стал определять ситуацию. Сложившееся положение громко называют «Щигровской республикой». Террористическое давление щигровцы стали активно использовать в отношении помещиков и реакционно-настроенных селян только после повальных арестов конца 1907 г. Щигровский комитет санкционировал теракты, даже находясь под следствием, в тюремном заключении. За 1907 г. членами союза были убиты 4 человека «заподозренные в шпионстве», проведено несколько показательных актов устрашения с использованием поджогов и мелких взрывов²⁷. Теракты в уезде не закончились и с вынесением приговора по делу Щигровского Союза²⁸ [27], но были уже связаны с деятельностью сбежавшего от полиции крестьянина И.И. Голощапова.

В течение нескольких послереволюционных лет И.И. Голощапов терроризировал местность пограничных уездов Курской и Воронежской губерний. Даже в 1913 г. начальник воронежского жандармского управления жаловался в Департамент полиции: «Этот бандит... чрезвычайно подвижен, очень находчив, укрываясь, пользуется сменами костюма и обличья и ему крайне на руку панический страх, который питает к его имени крестьянское население и низшие чины полиции. Так были случаи, что стражники предпочитали даже лучше увольняться со службы, чем выполнять поручения, при исполнении коих они, по их предположениям, могли встретиться с Голощаповым»²⁹. Личность Голощапова сильно выделяется на фоне других фигур террористов. Сильная воля и настойчивость Голощапова проявились в его террористической деятельности. В течение нескольких лет на территории Щигровского и прилегающих к нему уездов произошло более десятка убийств, ранений и покушений на лиц причастных к разгрому щигровского братства. Постепенно Голощапову стали приписывать все возможные местные преступления. Преследуя ряд причин, террорист отправляет несколько писем в местную администрацию. В письмах, защищая

²⁵ Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья, 1901-1911 гг. // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 96.

²⁶ Степунин В.А. Крестьянство черноземного центра в революции 1905-1907 годов. Воронеж, 1991. С.151.

²⁷ Деревня. Крестьянская газета. 01.11.1907. №2. Изд-во Поволжского Обл. ком. ПСР.

²⁸ Военно-окружной суд над Щигровским Крестьянским союзом ПСР проходил в г. Курске 4 июня – 15 июля 1909 г. См. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.801. Оп.7/67. Д.10/45. Отд. 5. 1909. Св. 54.

²⁹ Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф.И-6. Оп. 2. Д. 379. Л. 213.

себя, Голощапов раскрыл деятельность 10 уголовных преступников и состав 11 известных ему преступлений³⁰. В 1917 г. он был арестован, но амнистирован Временным правительством, погиб в Гражданскую войну в 1918 г.³¹.

У эсеров Центрального Черноземья, и в частности курских, летом 1907 г. были определенные надежды организовать крупное крестьянское восстание. Во-первых, два предыдущих летних пика крестьянской разгромной активности давали основания надеяться и на третий, летом 1907 г.; во-вторых, эсеровские организации крестьян в 1907 г. были намного мощнее и многочисленнее чем в предыдущие годы; в-третьих, отчеты партийных комитетов сообщали о крайнем социально-политическом недовольстве крестьян; в-четвертых, Государственная Дума пользовалась общественным авторитетом и ее роспуск мог быть искрой нового аграрного пожара; в-пятых, ЦК в партийных извещениях и печати постоянно говорил о готовности поддержать любое значительное выступление крестьян всеми партийными силами с тем, чтобы перевести его во всероссийские масштабы.

Эсеры пытаются активизировать общественное движение с помощью терактов. 20 июля в г. Короча в ходе покушения смертельно ранен помощник исправника П.И. Беляев. Следствие возложило вину за акт на корочанский комитет ПСР³². 2 августа в д. Шагаровой (Курский у.) получает тяжелое ранение выстрелом из револьвера стражник, в тот же день в соседнем селе Ноздрачеве смертельно ранен помещик Н.Е. Ноздрачев³³, 30 октября курский комитет эсеров принимает решение об организации покушения на местного начальника ГЖУ, которое в следствие арестов осуществлено не будет³⁴.

Однако планы поднять восстание провалились. Полиция и жандармские управления с весны 1907 г. стали особо рьяно преследовать революционеров и подавлять любые возмущения. Крестьянское недовольство хоть и проявлялось, но его уровень был далек от прогнозируемого. Роспуск Думы на активизацию массового движения почти не повлиял. Революция закончилась, но наличие в губернии и регионе значительных боевых сил экстремистов, в первую очередь партии эсеров, на два года растянули политическую реабилитацию. Так, если в течение революции 1905-1907 гг. в губернии боевиками было совершено 3 покушения на жизнь госслужащих и 4 на частных лиц, то в последующие два года, соответственно 5 и 4.

После 1907 г. революционный терроризм стал ускоренно скатываться в криминальную плоскость. Резко обозначила себя проблема реабилитации к мирной жизни боевиков и нелегальных работников. Немногим недавно еще активным террористам удалось без последствий вновь вписаться в мирную жизнь. Большая часть была подвергнута арестам и заключению, которые могли осуществляться и годы спустя, некоторым удалось эмигрировать и столкнуться с языковыми и материальными трудностями за рубежом. Значительная часть боевиков, не имея других возможностей существования, криминализировалась, перейдя к уголовному образу жизни. Резко вырастает число «гастролеров», бандитов, совершающих преступления в ходе постоянных передвижений по региону или стране. Общее собрание Курского отдела Союза Русского народа, требуя от губернатора пресечения криминального разгула, прямо отмечало, что «за последнее время в нашем городе все чаще и чаще стали повторяться вооруженные грабежи и разбои, несмотря на положение усиленной охраны у нас и присутствие большого количества войск в городе. В большинстве

³⁰ ГАВО. Ф.И-6. Оп. 2. Д. 908; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 47. 1909. Д. 1472. Л. 11.

³¹ Салтык Г.А. Эсеры Центрального Черноземья в 1905-1907 гг. // Отечественная история. 2004. № 1. С. 68.

³² ГАРФ. Ф. 124 (1910). Оп. 48. Д. 140. Дело об убийстве помощника Корочанского уездного исправника Беляева по постановлению Корочанского комитета ПСР в г. Короча Курской губ. 01.08.1907-23.02.1911 гг. (Б.л.)

³³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10131. Л. 148.

³⁴ Там же. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 176. Л. 64.

случаев эти подвиги совершаются прибылыми элементами, нелегально и неизвестно для полиции здесь проживающими»³⁵. Категоричность заявления не лишала его определенной объективности. Так, курские боевики грабят Гамалеевский монастырь в Черниговской губернии, а в Курском уезде при ограблении 1 сентября 1907 г. близ станции Охочевка хлебного ссыпщика П.Е. Болтенкова в группе тамбовских максималистов-независимцев, замечен А.С. Антонов, будущий руководитель восстания тамбовских крестьян³⁶. Гастрольная деятельность боевиков, значительно усложняла раскрываемость преступлений и работу силовых структур, сводя ее исключительно к сведениям внутренней агентуры. Только с помощью агентов или, как их обычно называли, провокаторов, полиция могла выяснить состав таких преступлений.

В апреле 1909 г. курские эсеры пытаются использовать предполагаемый проезд императора Николая II на двухсотлетний юбилей Полтавской битвы. В г. Курске с санкции ЦК и Украинского областного комитета и под его руководством, была создана террористическая группа по подготовке покушения. «К сожалению, охранка к тому времени имела в партийных кругах своего человека, и через несколько дней по приезде в Курск вся группа, за исключением Комарова, которому удалось бежать от полиции через окно, и еще одного-двух человек, была арестована»³⁷. Таким образом, арестами практически полностью был ликвидирован Украинский областной Летучий отряд ПСР.

Характеризуя террористическую деятельность курских революционеров можно отметить, что основным ее участником была партия эсеров и крайне левое крыло партии, максималисты. Социал-демократические и анархистские организации в террористических акциях практически не отметились. Структурные подразделения террористов ПСР в губернии были представлены Летучим боевым отрядом Южной области эсеров, Боевой организацией Курского губернского комитета и ряда уездных комитетов, боевыми дружинами крестьянских братств. В партийном уставе Курской губернской организации ПСР был особо обозначен характер взаимоотношений между боевиками и руководством: «1. Боевая организация находится в полном распоряжении губернского комитета и строго изолированная от всякой другой работы. 2. Лица вошедшие в нее должны порвать всякие связи с другими членами Курской организации и безусловно подчиняться дисциплине и всем распоряжениям комитета (слово неразборчиво – О.К.) через его уполномоченного, который в тоже время является заведующим боевой организации»³⁸. Насколько последовательно применялся устав судить сложно, однако общепартийной тенденцией будут постоянные внутренние конфликты и напряженность в отношениях между боевиками и партийными комитетами, перерастающая с конца 1906 г. в массовый выход из партии боевиков, что хронологически связано с активизацией и курских максималистов.

Социальный состав боевиков определить можно только частично. Очевидно, что боевые дружины крестьянских братств состояли из сельского населения, состав городских и уездных был менее однороден. Так, максималистская группа курских боевиков в 11 человек, осужденная киевским военно-окружным судом в январе 1908 г. состояла из 4 крестьян, 3 мещан, 2 дворян, беглого солдата и сына священника. Разнообразие возрастов было меньшим, самому старшему было 28 лет, затем шли трое по 24 года, двое – по 23, по одному – 22 и 20 лет, остальные моложе, но все на момент преступлений совершеннолетние. Безграмотных среди боевиков не было.

Основным видом вооружения боевиков было короткоствольное нарезное оружие, в крестьянских братствах, в большей мере в целях запугивания, часто применяли гладкоствольные ружья с зарядом дроби. Для увеличения вероятности смертельного исхода теракта, часть револьверных пуль боевики предпочитали крестообразно

³⁵ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10051. Л. 261.

³⁶ Там же. Д. 10126. Л. 130б.

³⁷ Комаров Н. Указ. соч. С. 81.

³⁸ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 168. Л. 80б.

надпилить. Такими пулями был застрелен инженер Скородумов и преследующий террористов городской. Активно использовались самодельные взрывные устройства, однако из-за ненадежности, применяли их редко и в большей мере «демонстративно» с целью психологического давления. Так, в г. Курске в 1907 г., в апреле прозвучал взрыв во дворе здания, занимаемого редакцией газеты «Курская Бель»³⁹, а 20 сентября взрывом было разрушено окно артиллерийского штабс-капитана⁴⁰. Прimitивные взрывные устройства, из бутылки с пероксилиновым патроном и бикфордовым шнуром, часто применяли и боевики крестьянских братств.

В сельской местности наиболее распространенным способом террористических покушений была стрельба в жертву через окно. Преимущественно это осуществлялось ночью, что облегчало попадание в цель и бегство боевика. Террористические формирования более высокого статуса использовали соответственно сложную и многофункциональную систему подготовки терактов. Как отмечал Н. Комаров, заблаговременно об объекте собиралась необходимая информация, разрабатывались различные варианты операции, обязательно продумывались пути отхода и страховка террористов. При всей неравнозначности, подготовка провинциальных терактов так же имела сложную систематичность как и акты центрального террора.

Анализ социально-политических событий 1905-1907 гг. в Курской губернии, на наш взгляд, позволяет сделать важное заключение, что при всех значительных прилагаемых усилиях и реальных политических возможностях леворадикальным партиям не удалось контролировать аграрное движение. Попытки с помощью террористических акций активизировать протесты крестьянства, перевести их в форму политического противодействия с властью, закончились неудачно. Очевидное партийное участие, не редко и инициатива в радикальных действиях сельских жителей, не позволяют говорить о подчинении партийному влиянию крестьянства. В тоже время, революционный терроризм был одним из факторов политической дестабилизации в губернии не только в годы первой российской революции 1905-1907 гг., но и в последующие два года.

TERRORISM AS A CONSTITUENT PART OF SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES IN KURSK REGION AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

O.N. KVASOV

Voronezh State Forestry Academy

e-mail: kvasovoleg@yandex.ru

The author describes revolutionary terror organizations in Kursk region and shows characteristic features of their activities. Terror acts were aimed at agrarian movement reviving. However, statistical data presented by the author shows that the efforts of the Socialist-Revolutionary Party to revitalize agrarian movement by terrorist acts in 1907 were unsuccessful.

Key words: revolutionary terror, agrarian movement, Kursk region, expropriation, terrorist act, the First Russian Revolution of the 1905-1907.

³⁹ Новое время. 15(02).04.1907.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 124 (1907). Оп. 45. Д. 2217. Дело о покушении на офицера Аргмакова в артиллерийских парках, в г. Курске. (Б.д., б.л.).